

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 175–187

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 175–187

Научная статья

УДК 94(474)

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-175-187>

Взаимоотношения Ливонского ландмейстерства Тевтонского ордена и рижских архиепископов в условиях Реформации и вопрос о политическом устройстве Ливонии

А. А. Конопленко

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, 410012, ул. Московская, д. 164

Конопленко Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической психологии и психологии государственной службы, aakonoplenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-8945>

Аннотация. В статье выявляются характер и особенности взаимоотношений Ливонского ландмейстерства Тевтонского ордена и рижских архиепископов во время Ливонской Реформации в 1521–1558 гг.: рассматривается их отношение к распространению лютеранства, влияние Реформации на политическую жизнь Ливонии; изучаются правовые, политические и идеологические причины и предпосылки исторического выбора, сделанного ливонским ландмейстером Вольтером фон Плеттенбергом. Формулируется вывод об успешном использовании реформационного движения Ливонским ландмейстерством в борьбе против рижского архиепископа, об отрицательном воздействии результатов подобной политики на положение ландмейстерства, об усугублении Реформацией сложной политической ситуации в Ливонии.
Ключевые слова: Ливония, Ливонское ландмейстерство, Тевтонский орден, Рижское архиепископство, Реформация, лютеранство, секуляризация, Вольтер фон Плеттенберг, Рига, Дерпт (Тарту), Ревель (Таллин), Ливонская война

Для цитирования: Конопленко А. А. Взаимоотношения Ливонского ландмейстерства Тевтонского ордена и рижских архиепископов в условиях Реформации и вопрос о политическом устройстве Ливонии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 175–187. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-175-187>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-175-187>

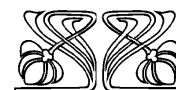
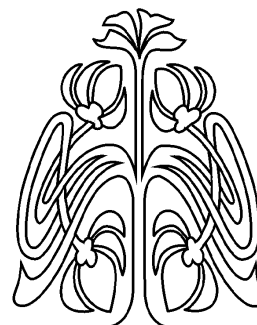
Relations between the Livonian Order and the Archbishops of Riga in the context of the Reformation and the question of the political structure of Livonia

A. A. Konoplenko

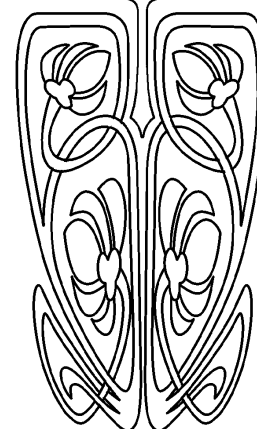
Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrey A. Konoplenko, aakonoplenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-8945>

© Конопленко А. А., 2021

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. The article reveals the nature and features of the relationship between the Livonian Order and the Archbishops of Riga during the Livonian Reformation, in 1521–1558, and reveals their attitude towards the spread of Lutheranism, the influence of the reformation processes on the political life of Livonia. It also examines the legal, political and ideological reasons and prerequisites of the Livonian Master Wolter von Plettenberg historical choice. The article concludes about the successful use of the reformation movement by the Livonian Order in the struggle against the Archbishop of Riga, about the negative impact of the results of this policy on the position of the Order, about the worsening of the difficult political situation in Livonia by the Reformation.

Keywords: Livonia, the Livonian Order, the Teutonic Order, Archbishopric of Riga, Reformation, Lutheranism, secularization, Wolter von Plettenberg, Riga, Dorpat (Tartu), Reval (Tallinn), the Livonian War

For citation: Konoplenko A. A. Relations between the Livonian Order and the Archbishops of Riga in the context of the Reformation and the question of the political structure of Livonia. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 175–187 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-175-187>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Одним из основных событий ливонской истории стало противостояние Тевтонского ордена, прежде всего его Ливонского ландмейстерства, и рижских архиепископов в борьбе за политическое верховенство¹. В марте 1330 г. завершилась продолжавшаяся более 30 лет внутрививонская война – первое вооруженное столкновение противоборствующих сторон. Главная опора архиепископа – Рига – капитулировала перед братьями-рыцарями и признала власть Ордена². В войне 1297–1330 гг. решалось, кто будет господствовать в Ливонии: сумеет ли рижский архиепископ, опираясь на авторитет Церкви, поддержку папы и деньги Риги, воплотить свои, унаследованные еще из времен существования корпорации меченосцев, права сюзерена по отношению к ливонскому ландмейстеру, превратив их из юридического казуса и фактического нонсенса в реальность, или же Ордену, воспользовавшись лидирующим положением в балтийской миссии, удастся повторить в Ливонии сценарий³, примененный до того в Пруссии, где братья-рыцари полностью подчинили местных прелатов, инкорпорируя три из четырех прусских епископств в свою организационную структуру⁴. В ходе длительного противостояния, развернувшегося не только на полях сражений, но и на политико-дипломатическом поприще, ни той ни другой стороне достичь поставленных целей в полной мере не удалось. Однако, начиная с 1330 г., явный политический перевес в Ливонии оказывается на стороне Ордена, все более усиливавшего давление на рижского прелата, который, в свою очередь, также не оставлял попыток взять реванш⁵.

Очевидное преобладание братьев-рыцарей завершилось в середине 30-х гг. XV в. в ситуации серьезного поражения Ордена⁶ при его попытке вмешаться в междоусобную войну в Великом княжестве Литовском⁷ на стороне проигравшего ее Свидригайло Ольгердовича⁸. Об этом имеются сведения и в «Русско-ливонских актах»⁹. В связи с неудачными действиями ландмейстерства ливонские земли оказались беззащитны перед возможным литовским вторжением, «вследствие чего Ливония весьма ослабла»¹⁰. Результатом стали фактический отказ орденских рыцарей от политической гегемонии в Ливонии и оформление

конфедерации в составе ландмейстерства, Рижского архиепископства, епископств, ливонских городов и вассалов. Братья-рыцари обязались согласовывать с архиепископом внешнюю политику, был декларирован общий союз всех ливонских ландесгерров¹¹. Однако на деле внутренние распри в Ливонии не прекратились.

Последним крупным проявлением конфликта ландмейстерства и архиепископов перед реформационными событиями в Ливонии стала распря второй половины 1470 – первой половины 1480-х гг. Еще ранее, на ландтаге в Вольмаре в 1451 г., Ордену удалось обозначить принадлежность рижских каноников к своей структуре¹², через папское им предписание носить одеяния, схожие с орденскими¹³. Но вскоре противоречия братьев-рыцарей с архиепископом Сильвестром Штодевешером (1448–1479) серьезно обострились¹⁴. Длительная распря, возникшая из-за сфер влияния в Риге, считавшихся по Кирхгольмскому договору 1452 г.¹⁵ принадлежащими и архиепископу, и Ордену в равной степени¹⁶, привела к открытому столкновению, в котором Орден стремился не только усилить свою власть над Ригой, но и захватить Рижскую архиепархию¹⁷. Рига, обязавшаяся ранее соблюдать нейтралитет в спорах обоих своих сюзеренов¹⁸, отказала архиепископу в поддержке, принеся присягу Ордену, в силу чего прелат наложил на нее в 1477 г. интердикт и попытался заручиться поддержкой Швеции¹⁹, заключив союз со Стеном Стуре²⁰, направившим ему военную помощь. В этой ситуации ландмейстер Бернгард фон дер Борх (1471–1483) обвинил Штодевешера в действиях, направленных во вред Ливонии, в нежелании противодействовать якобы имеющимся у «русских схизматиков» намерениям захватить Рижскую архиепархию и, заручившись поддержкой сословий, решил окончательно разрешить многовековое противоборство в свою пользу. Апогеем конфликта стали разгром архиепископского войска орденским в начале 1479 г., аннексия большей части архиепископских владений²¹, пленение Штодевешера братьями-рыцарями и его кончина в неволе²². Борх надеялся при помощи императора Фридриха III (1452–1493) развить успех, поставив целью полное упразднение архиепископства как отдельного

княжества²³. В очевидно инспирированном ландмейстерством анонимном воззвании фактически обозначены его цели: для того чтобы территория архиепархии «оставалась вне зависимости от русских и сохранялась в христианской вере», ее отныне «находящиеся в светской зависимости от Ордена земли, люди, города, замки и крепости и все, что подлежит светскому управлению» и в будущем оставить под властью ландмейстера «к процветанию и благу, к усилению и приумножению христианства»²⁴.

Успехи ландмейстерства не могли не вызвать опасений у рижан, так как лишали их возможности привычного политического лавирования между двумя властями. К тому времени братья-рыцари потерпели серьезные поражения²⁵ в ходе войны с Псковом и стоявшей за ним Москвой (1480–1481)²⁶, собственно затеянной Борхом с целью повышения престижа ландмейстерства внутри Ливонии и в Европе²⁷ для подкрепления претензий на территорию архиепископства²⁸. На этом фоне рижане изменили свои политические предпочтения: принесли присягу новому назначенному из Рима архиепископу Стефану Грубе (1480–1483) и в столкновении с братьями-рыцарями выступили на его стороне²⁹. Военные действия и здесь шли для уже ослабленного ландмейстерства неудачно, в результате Борх был смещен с должности³⁰; почти одновременно с этим умер архиепископ Стефан. Преемником последнего, благодаря финансовым усилиям в Риме нового ливонского ландмейстера Иоганна Фридриха фон Лоринкгофена (1483–1494), стал бывший личный секретарь умершего Борха – Михаэль Гильдебранд (1484–1509). Рижане этого назначения не признали, оружия не сложили и сумели разбить орденское войско³¹. Война закончилась перемирием, продолжавшимся до 1489 г., когда обмен ударами между рижанами и братьями-рыцарями возобновился.

Накануне событий Реформации архиепископскую кафедру занимал Яспер Линде (1509–1524), старавшийся в своей политике по возможности лавировать между рижским ратом и верхушкой ландмейстерства. Пост же ландмейстера в 1494–1535 гг. занимал Вольтер фон Плеттенберг, талантливый политик и успешный военачальник, сумевший отчасти сплотить Ливонскую конфедерацию в условиях внешней опасности и в ходе в целом успешной³² войны 1501–1503 гг. с Русским государством фактически отодвинуть решающее столкновение с ним, закрепив политический status quo, как оказалось, с учетом возобновления мирных русско-ливонских соглашений на следующее столетие³³.

«В 1522 году, – напишет через полвека ливонский хронист, пастор Бальтазар Руссов (ок. 1540–1600), – начал в ливонских городах проявляться свет Божественного Евангелия»³⁴. Первые известия о распространении в Ливонии нового учения относятся к 1518 г.³⁵ Здесь его идеи

упали на благодатную почву³⁶ и распространились очень быстро, встретив активную поддержку городского населения³⁷, а сами реформационные события протекали довольно остро и бурно.

Главным центром ливонской Реформации стала Рига. Здесь ко времени завершения архиепископского правления Яспера уже три года³⁸ активно проповедовал прибывший из Померании Андреас Кнопкен (ок. 1468–1539), ученик Иоганна Бугенхагена³⁹, одного из видных соратников Лютера. 23 октября 1522 г. – день, когда решением рижского рата и согласия городских гильдий Кнопкена назначили архидиакономом старейшего храма Риги, церкви св. Петра⁴⁰, – можно считать начальной точкой отсчета истории ливонской Реформации. К радикальным действиям⁴¹ рижан призывал другой, еще более решительно настроенный проповедник – уроженец Гамбурга Сильвестр Тегетмейер (ум. 1571), имевший большое влияние на городскую бедноту⁴². Архиепископ Яспер пытался сдерживать рост реформационных настроений, обратившись за помощью к папе и императору. Узнав о его намерениях, большинство рижских бюргеров, представители средних слоев городского населения и часть городской верхушки в марте 1524 г. объявили о принадлежности к протестантской вере, начались преследования католического духовенства. К маю город был в руках сторонников Реформации. Яспер, четко обозначив негативное отношение к ее идеям, практических ходов в этом направлении вследствие скорой смерти предпринять не успел. Преемником Яспера по папской протекции 24 июня 1524 г. стал его коадьютор, дерптский и ревельский епископ Иоганн VII Бланкенфельд (1524–1527), человек высокообразованный и инициативный. Не лишним будет заметить, Бланкенфельд являлся выходцем из Бранденбурга, представителем влиятельного берлинского рода⁴³, когда-то служил местному курфюрсту⁴⁴ и был тесно связан с Гогенцоллернами. Кроме того, Бланкенфельд – доктор права состоял на службе верховного магистрата Тевтонского ордена, представляя его интересы в Риме, пользовался расположением Плеттенберга и в целом считался для Ордена фигурой вполне лояльной. Однако вскоре его отношение к Ордену кардинально поменялось. Заняв архиепископскую кафедру, Бланкенфельд, «подлинный вождь, духовный глава противников Реформации»⁴⁵, решительно выступил против новых веяний⁴⁶, изгнал лютеранских пасторов из подконтрольных ему Кокенгаузена и Лемзала. В ответ в Риге вспыхнуло восстание под лютеранскими лозунгами, начались иконоборческие погромы. 21 августа 1524 г. Рига отказалась от присяги архиепископу и провозгласила своим единственным сюзереном ландмейстера⁴⁷.

Между тем Реформация в Ливонии набирала ход. Выступления лютеранских проповедников способствовали распространению радикальных настроений и в других ливонских городах⁴⁸.

Самым ярким из проповедников новой веры был выходец из Швабии, скорняк Мельхиор Гофман (ок. 1495–1543), обрушивавшийся в 1523–1526 гг. с острой критикой на католицизм и католическое духовенство сначала в Вольмаре, Дерпте⁴⁹, а затем в Ревеле. Особенно эффективной его деятельность оказалась в Дерпте, где уже до того успешно проповедовал рижский клирик Герман Марсов⁵⁰. Попытка арестовать Гофмана, пользовавшегося большой популярностью у низших слоев населения⁵¹, предпринятая по приказу архиепископа Иоганна Бланкенфельда (сохранившего за собой дерптскую епископскую кафедру) его фогтом, привела в январе 1525 г.⁵² к восстанию в Дерпте, и без того находившемуся в весьма сложных отношениях со своим сюзереном⁵³. Восставшие, поддержанные местным ратом, капитулом, вассалами, громили церкви и монастыри, напали на епископский замок⁵⁴.

Бурно реформационные события с сентября 1524 г.⁵⁵ проходили и в Ревеле⁵⁶, где сторонники Реформации, впервые заявив о себе в 1523 г.⁵⁷, вдохновляемые выходцем из Германии Иоганном Ланге и рижанином Захариасом Хассе⁵⁸, в январе 1525 г также взяли верх. Ревель, как и Рига, отказался подчиняться своему епископу (Бланкенфельду), провозгласив единственным сюзереном ландмейстера. Отказал в присяге епископу и Дерпт, пожелав видеть своим господином Плеттенберга⁵⁹. Реформация в ливонских городах явно одерживала верх, о чем известно было и Лютеру: уже в 1523 г. он адресовал «всем христианам в Риге, Дерпте и Ревеле» письмо с толкованием на 127 псалом⁶⁰, что, несомненно, стало серьезной поддержкой для его приверженцев⁶¹.

Из крупных городов реформационное учение стало распространяться в менее значимые⁶². Окончательная победа ливонской Реформации будет официально признана на вольмарском ландтаге 1554 г., а год спустя рижский комтур Георг Зибер фон Вишлингген как представитель Ливонии подпишет Аугсбургский религиозный мир, что закрепит эту победу на европейском уровне⁶³.

Однако вернемся к более ранним событиям. После первых успехов, достигнутых сторонниками Реформации в 1524 – начале 1525 г., опасаясь еще большего обострения ситуации и удовлетворяя просьбы городов, Плеттенберг созвал 2 июля 1525 г. ландтаг в Вольмаре⁶⁴. На нем города выступили в защиту своих интересов и Реформации, обвинили архиепископа в кровопролитии во время реформационных волнений⁶⁵.

Какими именно соображениями руководствовался Плеттенберг, выбирая линию поведения в условиях реформационного конфликта, можно лишь предполагать. Возможно, ландмейстер, обладая, как о том свидетельствует его биография, богатым политическим опытом и способностью верно оценивать объективные реалии, не верил в возможность эффективно противостоять реформационному порыву в ливонских условиях, по

крайней мере, на тот момент. И единственное, что он мог сделать, чтобы попытаться сохранить мир, а если удастся, извлечь из происходящего политические дивиденды, так это отклонить удар, перенаправив его острие в сторону извечного политического соперника – рижского архиепископа. Еще в 1522 г., когда прелаты попытались добиться осуждения едва только проникшего в Ливонию учения Лютера как еретического, ландмейстер их в том не поддержал. Теперь же Плеттенберг провозгласил (21 сентября 1525 г.) свободу вероисповедания, фактически санкционировав успехи лютеранства в Ливонии⁶⁶. В результате архиепископ оказался в политической изоляции, предстал в глазах приверженцев новой веры главным инициатором противодействия ей и виновником преследований ее адептов.

Для закрепления успеха Плеттенберг продолжил политику, направленную на дискредитацию архиепископской власти, обвинив Бланкенфельда в связях с польским королем с целью обеспечить себе поддержку в противодействии лютеранству и что особенно важно – в сношениях с великим князем Московским Василием III и псковскими властями⁶⁷ для получения военной помощи против ландмейстерства и принявших Реформацию городов взамен на уступку части своих владений. Эти обвинения по сути в предательстве общих интересов Ливонской конфедерации окончательно подорвали позиции архиепископа, в декабре 1525 г. взятого его же вассалами при поддержке орденовских властей под домашний арест в замке Роннебург⁶⁸. Одновременно, опасаясь русского вторжения, Плеттенберг принял меры, направленные на увеличение обороноспособности страны⁶⁹.

Как видно, Плеттенберг в борьбе с архиепископом постарался, выдвинув в адрес соперника обвинения в предательстве общеливонских интересов, лишить его союзников и поддержки вассалов, подобно тому, как полвека назад действовал Борх. Плеттенберг при этом позиционирует себя защитника интересов всей Ливонии (опять же, как ранее это пытался делать Борх) и в целом следует программному политическому тезису братьев-рыцарей, ярко выраженному еще столетия назад в «Старшей ливонской Рифмованной хронике» (ок. 1290) – ландмейстерство и его глава несут ответственность за судьбы всей немецкой колонии в Ливонии и единственно они могут ее защитить⁷⁰.

Бланкенфельду ничего не оставалось, как временно смириться с поражением⁷¹. В марте следующего года он был освобожден, а уже в июле, выступив на очередном ландтаге, сумел при милостивом содействии Плеттенберга, вероятно, уже не видевшего перед собой серьезного врага, оправдаться в возведенных на него обвинениях⁷². Решениями ландтага политическая ситуация в Ливонии была на время стабилизирована при очевидном укреплении позиций ландмейстерства. Главные города – Рига, Дерпт и Ревель⁷³ – желали видеть Плеттенберга своим единственным вла-

стителем⁷⁴. 15 июня 1526 г. он был провозглашен защитником (протектором) Ливонии при запрете призывать для участия в ее делах каких-либо иноземных правителей. Епископы признали власть ландмейстера. Не оставалось иного и Бланкенфельду. Был заключен всеобщий мир⁷⁵. Это было сокрушительное политико-идеологическое поражение архиепископа, оправиться от которого он уже не смог⁷⁶.

Однако совсем сдаваться Бланкенфельд не желал и попытался использовать против Плеттенберга ситуацию, сложившуюся в Ордене в связи с обращением в лютеранство Альбрехта Гогенцоллерна и секуляризацией Пруссии. В условиях кризиса власти в духовно-рыцарской корпорации⁷⁷ архиепископ обратился к ней, обвинив Плеттенберга в стремлении выйти из подчинения Ордену и править Ливонией самостоятельно, что с учетом происходящего в ливонских городах могло выглядеть довольно правдоподобно. Кроме того архиепископ пытался найти помощь у папы, предприняв поездку в Италию; затем у императора Карла V (1519–1556)⁷⁸, отправившись к нему в Испанию, чтобы добиться восстановления своих сеньориальных прав в отношении Риги. Однако сделать это не удалось, прелат умер по дороге⁷⁹.

Преемником Бланкенфельда стал не предлагаемый им иноземец Георг Брауншвейг-Люнебургский (позднее, в 1558–1566 гг. – архиепископ Бременский), а поддержанный ландмейстером Томас Шёнинг (1527–1539). Новый архиепископ предпочитал жить подальше от беспокойной Риги, в своем Кокенгаузенском замке, не оставляя, тем не менее, надежд восстановить власть над городом. Шёнингу удалось договориться с рижанами о возобновлении причитающейся ему половины сеньориальной власти над Ригой, взамен на непротивление с его стороны распространению учения Лютера. 14 августа 1530 г. Рига принесла Шёнингу присягу. Одновременно архиепископ отказался от подчинения Плеттенбергу, выказанного его предшественником Бланкенфельдом в 1526 г.⁸⁰

В это время⁸¹ складывается пропрусски настроенное протестантское окружение архиепископа, рассчитывавшее провести секуляризацию в Ливонии при помощи внешних сил⁸². К числу подобных советников принадлежал, прежде всего, рижский синдик Иоганн Ломиллер, который еще в 1525 г. направил ландмаршалу Иоганну Платеру фон дер Брюле (1502–1529) проект реформирования управления Ливонией, сосредоточения всей власти в руках главы ландмейстерства⁸³. Брюле оказался адресатом этого послания, скорее всего, потому, что согласно орденской традиции был наиболее вероятным преемником престарелого Плеттенберга. Но поскольку смены власти в ландмейстерстве не происходило и рассчитывать на проведение им секуляризации приходилось все меньше, влиятельные архиепископские приближенные-протестанты решили, вероятно, сделать ставку на приглашенного представителя инозем-

ного княжеского дома, оказавшись фактически у последнего на службе, способствуя проведению выгодной ему политики⁸⁴. Видимо не без их участия архиепископ поручил отправление своей власти Вильгельму Бранденбургскому, назначив его коадьютором. Напомним, что Вильгельм принадлежал к роду Гогенцоллернов, один из его девяти братьев – Альбрехт (1490–1568), будучи тевтонским верховным магистром, секуляризовал орденские владения в Пруссии, став первым правителем Прусского герцогства, находившегося в зависимости от польской короны. Кроме того Вильгельм находился в родстве с правителями Польши, Дании и Мекленбурга⁸⁵.

Назначение Вильгельма коадьютором вызвало недовольство и протесты со стороны ландмейстера, части архиепископских вассалов-католиков⁸⁶, тех представителей сословий, которые видели за происходящим опасность утраты Ливонией независимости и ее подчинения польской короне⁸⁷. Думается, что экспансионистские планы последней, поддерживаемые прусским герцогом⁸⁸, были современникам вполне очевидны⁸⁹. Вассальная зависимость от Польши, признанная Орденем в 1466 г. по Второму Торнскому миру⁹⁰, на Ливонское ландмейстерство не распространялась⁹¹, однако еще во времена Борха, в 1479 г., верховный магистр Мартин Трухзес фон Вецгаузен (1477–1489) предлагал ему передать Ливонское ландмейстерство под защиту польского короля Казимира IV (1447–1492)⁹². Какие именно планы в отношении Ливонии вынашивал Альбрехт – не ясно. На этот счет высказывались различные мнения, в том числе о его стремлении обезопасить свое герцогство от посягательств со стороны Ливонского ландмейстерства, прекратить его существование. Тому были основания: Плеттенберг не исключал перспективы отвоения прусских земель. Не случайно в 1527 г., в обстановке кризиса верховной власти в Ордене, он добился от императора Карла V своего признания «администратором должности верховного магистра в Пруссии»⁹³.

Или же Альбрехт, содействуя Польше, стремился защитить свои владения от приближения к ним границ Московского государства в случае поглощения последним Ливонии. Согласно другому мнению он ставил конечной целью создание и в прусских, и ливонских секуляризованных землях наследственной монархии Гогенцоллернов. Ясно, однако, что планы эти при всей их неопределенности для историков были и продвигались герцогом в его взаимоотношениях с польской короной⁹⁴. Последняя, впрочем, имела в отношении Ливонии собственные интересы, как покажет время, не предполагавшие расширения влияния Гогенцоллернов, до поры оказавшихся польскому королю полезными в реализации его замыслов.

Но так или иначе, Вильгельму удалось удержаться в коадьюторской должности, в немалой степени благодаря тому, что на ландтаге 1530 г. его

в обмен на обещание соблюдения рыцарских прав и привилегии поддержали ливонские вассалы⁹⁵. В 1539 г. Вильгельм, вопреки предпочтениям рижан, все более с опаской взиравших на его прусские связи, и на внешнюю, даже без принятия священства⁹⁶, приверженность католическому обряду⁹⁷, сменил Шёнинга в должности архиепископа, став последним главой (1539–1563) средневековой Рижской архиепархии. Отношения архиепископа и Риги, не желавшей признавать его не только духовную, но и светскую власть, и возвращать архиепископские имущества, вновь накалились⁹⁸, так что Вильгельм по примеру предшественника перенес резиденцию в один из своих замков, на этот раз таковым стал Роннебург.

Против мятежной Риги Вильгельма поддержал новый ливонский ландмейстер Герман фон Брюггеней (1535–1549), ранее подтвердивший ей свободу вероисповедания, но затем, уже после отказа Риги принимать Вильгельма, начавший подготовку к войне с бюргерами. Еще раньше, в бытность Вильгельма коадьютором, с ним на сближение пошел Плеттенберг⁹⁹: 1 апреля 1533 г. в Вендене между Вильгельмом, ландмейстером и Ригой был заключен договор о взаимной поддержке и непротиводействии Реформации¹⁰⁰. Это событие вызывало недовольство у верхушки ландмейстерства, сомнения в способности престарелого ландмейстера, вступившего в соглашение, как было сочтено, с изменниками и предателями общеливонских интересов, в дальнейшем исполнять свои обязанности. Не устраивали новые уступки лютеранам и епископов. Тем не менее позже уже и новый ландмейстер Брюггеней заключает с коадьютором и архиепископом союз против возможных врагов внутри Ливонии и за ее пределами¹⁰¹.

Брюггеней, похоже, пытался поначалу следовать политическим курсом предшественника, направленным на достижение религиозных компромиссов путем благоприятствования новому вероучению и умиротворения его сторонников. Но отсутствие авторитета и, быть может, неординарных личных качеств и способностей, подобных имеющимся у Плеттенберга, делало подобный курс для нового ландмейстера рискованным и побуждало выбирать более однозначную политическую позицию. В свое время Плеттенберг мог надеяться, что его благодеяния в адрес протестантов, послужив в определенный момент основной политической задаче – сохранению мира, не приведут в итоге к последствиям, негативным для ландмейстерства. Это стало бы возможным в том случае, если бы сторонникам Лютера и приверженцам традиционной формы христианского исповедания удалось найти общий язык на всеобщем уровне (надежды на что существовали и их пытались реализовывать) и если бы церковь вновь стала единой. Преемникам же Плеттенберга такое развитие событий должно было представляться менее вероятным. В этой ситуации Брюггеней не

мог не видеть опасности для ландмейстерства, проистекающей от все большего укрепления лютеранства, а соответственно, не мог не связывать дальнейшее существование возглавляемой им организации с сохранением и защитой традиционного вероисповедания. И это неизбежно вело ландмейстера к осознанию общности интересов с рижским архиепископом (вне зависимости от готовности последнего отстаивать не собственные блага, а католическую веру). В новых условиях прежние распри извечных политических соперников отступили на задний план.

Так или иначе, заняв пост ландмейстера, Брюггеней показал себя сторонником католицизма¹⁰². И союз с Вильгельмом не помешал ему обрушиться с жестокими репрессиями на пропрусски настроенную часть коадьюторского окружения практически парализовать его деятельность¹⁰³. В этой ситуации представляется примечательным, что Вильгельм не защитил своих бывших советников. Думается, в условиях конфликта с Ригой, риск остаться без всякой политической поддержки в Ливонии побудил Вильгельма, до того неопределенно балансирующего между не признающими его власти подданными-протестантами, пропрусски настроенными и жаждущими секуляризации советниками, ландмейстером, католической паствой и всеми, оставшимися верными Рижской церкви, сделать выбор, выгодный в плане политического самосохранения. И оказавшись в критической ситуации, Вильгельм, как видно, решает проводить далее по возможности самостоятельную политику, склоняясь вопреки планам прусского герцога и своих действующих в прусских интересах советников, в сторону католицизма, к альянсу с ландмейстерством.

То, что назревающее военное столкновение архиепископа и Брюггеней с Ригой связывалось с религиозными противоречиями, ясно и из действий рижан, решивших заручиться поддержкой протестантов за пределами ливонских земель и присоединившихся к Шмалькальденской лиге¹⁰⁴. Возможно, это предотвратило назревавшую в Ливонии войну. Однако уже в 1546 г. не без учета общих неудач лиги в Германии Рига пошла на уступки. В 1546 г. был заключен Нейермюленский договор, по которому рижане обещали принести присягу архиепископу и вернуть его имущество¹⁰⁵. Завершилось оформление относительно стабильной политической ситуации в Ливонии принятием решений Вольмарского ландтага 1546 г.¹⁰⁶, согласно которым и архиепископ, и ландмейстер обязывались сохранять свой духовный сан и не могли выбирать в коадьюторы иноземцев. Это соглашение было направлено на консервацию традиционных ливонских политических структур и отношений (еще в 1542 г. со стороны ландмейстера было сделано обращение к римскому королю Фердинанду с просьбой разрешить замещение архиепископской и епископских должностей лишь католикам¹⁰⁷) и, как предпо-

лагалось, должно было исключить проведение секуляризации и иностранное вмешательство в ливонские дела. В январе 1547 г. и архиепископ, и ландмейстер совершили торжественный въезд в Ригу¹⁰⁸ (как напишет позднее папский дипломат Антонио Поссевино, Вильгельм «вступил в Ригу и восстановил среди граждан истинную веру»¹⁰⁹). Власть и того и другого над Ригой стала считаться восстановленной¹¹⁰.

Союз ландмейстера и архиепископа, для последнего продиктованный временной политической необходимостью, оказался недолгим. В 1555 г. Вильгельм вопреки решениям ландтага 1546 г. назначил своим коадьютором Христофа Мекленбургского, брата находившегося в союзнических отношениях с Бранденбургом и Пруссией мекленбургского герцога Иоганна Альбрехта I (1547–1576). Тот приложил значительные дипломатические усилия¹¹¹, чтобы обеспечить Христофу широкую поддержку при европейских дворах¹¹². Когда перед Ливонией вновь замаячила перспектива иноземного вмешательства в ее дела¹¹³, ландмейстер Генрих фон Гален (1551–1557) выступил против избрания Христофа¹¹⁴. Направленному в Венден польско-литовскому посланнику руководство ландмейстерства с Галеном во главе никакого определенного ответа об отношении к Христофу не дало, заявив, что признание или непризнание коадьютора – прерогатива ландтага¹¹⁵. Архиепископ, очевидно, не рассчитывая на положительное решение сословий, попытался его опередить и поставить всех перед свершившимся фактом, спешно устроив избрание Христофа рижским капитулом. Обозначено это действие было как угодное императору (на тот момент римскому королю) Фердинанду I (1556–1564)¹¹⁶ и польскому королю Сигизмунду II Августу (1548–1572) – «защитнику Рижской церкви» (*rex Poloniae ecclesiae Rigensis protector*). Этот титул был формально присвоен почти столетие назад, в 1366 г., польскому королю Казимиру III Великому (1366–1370) и его потомкам императором Карлом IV (1355–1378).

Ландтаг, собравшийся в Вольмаре в марте 1556 г., как и следовало ожидать, польско-прусскую креатуру не поддержал¹¹⁷. Тайное обращение Вильгельма за военной помощью к польскому королю и к герцогу Пруссии, перехваченное братьями-рыцарями, привело в июне – июле 1556 г. к началу ландмейстерством и поддержавшими его рижанами военных действий. Завершилась война осадой архиепископа и его нового коадьютора в замке Кокенгаузен, их последующим пленением Иоганном Вильгельмом фон Фюрстенбергом, ландмейстерским коадьютором (так называемая «война коадьюторов» в 1556–1557 гг.)¹²⁰.

Нет серьезных оснований сомневаться в том, что эти события, запущенные откровенно провокационным шагом Вильгельма, предсказуемо ведущим к обострению ситуации в Ливонии, стали начальным актом политико-дипломатиче-

ской комбинации, задуманной в Кракове, Вильно и Кенигсберге¹²¹. Первые определенные планы подчинения Ливонии оформились в Польше в 1540-х гг.¹²² Интерес польско-литовской унии к ливонским делам в первой половине 1550-х гг. серьезно усилился¹²³; в 1552–1555 гг. складывается план использовать Христофа Мекленбургского, по свидетельству современников изнеженного и избалованного молодого человека, всем очевидной потенциальной политической марионетки, заведомо не устроившей бы братьев-рыцарей¹²⁴. Во второй половине 1550-х гг. ливонское направление, предполагающее установление контроля над ливонскими землями, стало важнейшим во внешней политике Польши¹²⁵.

Причины активизации польской короны и Гогенцоллернов в 1552 г. становятся понятны из относящейся к тому же времени анонимной докладной записки о положении дел в Ливонии, которая гласит, что ландмейстерство не расположено к Пруссии, но оно слабо; его глава – 80-летний старец, который выше всего ценит мир и покой, реальным весом и авторитетом обладают два потенциальных преемника Галена – ландмаршал и комтур Динабурга. Последнее обстоятельство, видимо, должно было подразумевать их готовность схватиться между собой в борьбе за власть и тем самым еще более подорвать силы ландмейстерства. Сообщалось, что ливонские вассалы и Рига настроены враждебно по отношению к ландмейстерству, а оно само традиционно враждует с рижскими архиепископами. Обороноспособность Ливонии, указывалось в записке, низка и в случае серьезной войны с русским соседом она станет для него легкой добычей¹²⁶.

В октябре 1552 г. Альбрехт Прусский писал архиепископу Вильгельму, что ливонцам в опасности «москвитов» не следует надеяться на помощь Империи, занятой конфликтом с Францией и турками, можно полагаться лишь на Польшу и Литву¹²⁷. После этого архиепископ стал внушать соответствующие мысли ландмейстеру Галену, как это видно из письма, датированного декабрем того же года, в котором Вильгельм, указав на силу «москвитов» и их царя, называет выходом для Ливонии помощь, которую может предоставить Польша¹²⁸. После заключения в 1554 г. договора с Русским государством¹²⁹, отсрочившего для ливонцев вероятную войну, но обозначившего возросшее и небезуспешное давление на конфедерацию с русской стороны, время дипломатической подготовки для польской короны и ее союзников закончилось, пришло время решительных действий. Возможно, свою роль сыграли и перемена власти в империи, и поддержка, оказанная Христофу Фердинандом I.

Формально в ответ на события «войны коадьюторов»¹³⁰ к границам Ливонии выступили многочисленные польско-литовские войска¹³¹, из Пруссии на соединение с ними двинулись воины герцога Альбрехта¹³². Прямая угроза иностранной

интервенции заставила Фюрстенберга, к тому времени уже ландмейстера (1557–1559), пойти в сентябре 1557 г. на унижительные для него и вынужденные для Ливонии Позвольские соглашения, освободить архиепископа и коадьютора, восстановить их в правах. Ливонская сторона обязалась вступить по прошествии срока действующего договора с Москвой (если, вероятно подразумевалось, он не будет «москвитами» расторгнут раньше) в направленный против нее союз с польской короной, фактически признав протекцию Кракова¹³³. Настояние польской стороны на этом альянсе, не имеющее никакого отношения к событиям «войны коадьюторов»¹³⁴, послужившей поводом для Сигизмунда вмешаться в ливонские дела, явно показывает его истинные намерения, стремление спровоцировать русское вторжение в Ливонию.

Позвольские соглашения не остались неизвестными в Москве. По русско-ливонскому договору 1554 г. Ливонская конференция обязывалась не заключать союзных договоров с Польшей и Великим княжеством Литовским¹³⁵: «маистру Ливонскому, и арцыбскопу Рискому, и бископу Юрьевскому, и бископом и всей земле Вифленской х королю Полскому и великому князю Литовскому не приставати никоторыми делью»¹³⁶. Позвольские соглашения стали, очевидно, в восприятии русской стороны своего рода сигналом, что ситуация выходит из-под дипломатического контроля и требует силового вмешательства¹³⁷: реакцией Москвы стала направленная ландмейстеру грамота об объявлении войны¹³⁸. Думается, что действия русской стороны не были лишь откликом на формально представившийся или даже искомый повод для войны с целью захвата ливонских земель, а были продиктованы долгосрочными геополитическими приоритетами¹³⁹, предполагавшими мирное включение Ливонии в сферу русского влияния¹⁴⁰ и назревавшей много лет опасной ситуацией, достигшей в 1557 г. своей критической фазы. Угроза установления над Ливонией польской власти, никак не соответствуя геополитическим интересам Русского государства, побудила Ивана Грозного попытаться опередить поляков, что послужило толчком к началу Ливонской войны, в которой при катастрофическом неравенстве сил Ливонское ландмейстерство было быстро разгромлено; значительную часть Ливонии заняли русские войска. Следующим актом стало вступление в войну Польши, принявшей на себя роль защитницы Ливонии и даже Европы от «москвитов». После ряда военных успехов ничто в политико-идеологическом плане не мешало польскому королю аннексировать территорию Ливонии в той степени, в какой этому не воспрепятствовали другие западноевропейские претенденты на ливонское наследство.

Нередко роковой ошибкой Плеттенберга или следствием его нерешительности, медлительности называют отказ принять лютеранство и про-

вести секуляризацию, подобную прусской, превратив немецкую Ливонию в светское государство и не допустив тем самым ее крушения¹⁴¹. Однако оценить позицию ландмейстера можно лишь с учетом исторической перспективы, всего того, что произошло с Ливонией в середине XVI столетия.

Идея поставить Плеттенберга во главе ливонского политического сообщества в качестве светского правителя вполне оформилась у ливонских сословий к началу 1526 г.¹⁴² Однако Плеттенберг такого решения не принял. Думается, одна из основных причин нежелания ландмейстера возложить на себя обязанности политического лидера состояла в опасении, что данный ход приведет к утрате Ливонией независимости, как это случилось с Пруссией. Пока в Ливонии на границе «христианского мира» с сильной, загадочной и в отличие от старых соседей (Новгорода и Пскова) непредсказуемой, а от того еще более страшной «Московией»¹⁴³ существовал католический духовно-рыцарский орден, способный ей противостоять и с середины XV в. позиционировавший себя в обращениях к внешним политическим силам как щит от «неверных русских схизматиков»¹⁴⁴, реализация притязаний на ливонские земли для Польши была, как представляется, невозможной.

Посягательство на интересы и суверенные права отделения духовно-рыцарской корпорации, юридически находившейся в прямом подчинении у папского престола и противодействовавшей на «христианском» фронте угрозе, сопоставляемой (к примеру, на рейхстаге в Аугсбурге в 1550–1551 гг.¹⁴⁵) с османской¹⁴⁶, неизбежно привело бы к дискредитации польской короны в глазах католического или вообще западного мира. В случае же если бы экспансионистские планы Польши вызвали конфронтацию с неким, едва возникшим на территории Ливонии слабым протестантским княжеством, указанного ограничения для польской короны не возникало.

Еще одно обстоятельство, которое могло удерживать Плеттенберга от перехода в лютеранство и секуляризации орденских владений в Ливонии – опасение новой внутрививонской войны, грозившей конфедерации неизбежной гибелью. В Пруссии, где епископства были подконтрольны Ордену, а таким образом и примкнувшему к Реформации верховному магистру Альбрехту, такой войны не случилось. Но в Ливонии она была весьма вероятна в силу существования, помимо ландмейстерства, других обладателей территориально-политической власти – архиепископа и епископов, вокруг которых могла сплотиться в эскалацию своей веры, традиционных прав и привилегий католическая оппозиция. Кроме того, как показывают усилия Плеттенберга по набору новых наемников в Германии, Чехии, Силезии в 1526 г., вполне реальной он считал и военную поддержку архиепископу с русской стороны¹⁴⁷. Наконец, оговоренность в решениях весеннего ландтага 1526 г. запрета использовать помощь

иноземных правителей, при том что он был собран в условиях противостояния с архиепископом Вильгельмом Гогенцоллерном, явно указывает на стремление не допустить в случае разрастания конфликта силового вмешательства со стороны Польши, король которой не преминул бы воспользоваться своим извлеченным на свет древним статусом «защитника Рижской церкви».

Вполне вероятно, что Плеттенберг предполагал сопротивление секуляризации внутри возглавляемого им ландмейстерства и со стороны орденских рыцарей и чинов за пределами Ливонии. Сопротивления, подобного тому, которое имело место в Пруссии, где даже почти через 20 лет после секуляризации – в 1454 г. – был раскрыт масштабный заговор, организованный (не без участия ливонских братьев) с целью свержения герцога Альбрехта и восстановления власти Ордена¹⁴⁸. Как известно, ливонские братья рыцари в большинстве своем происходили из Вестфалии¹⁴⁹, где успехи Реформации на начальных ее этапах были довольно скромными. Есть мнение, что это обстоятельство также не способствовало идее секуляризации в ландмейстерстве¹⁵⁰.

Наконец, не спешил Плеттенберг и расставаться с надеждами на помощь императора и папы, которых был бы полностью лишен протестантский князь. Как показывают действия и переписка ландмейстера после прусских событий 1525 г., он стремился найти поддержку и у первого, и у второго, заверяя их в преданности католической вере, отсутствии намерений провести секуляризацию, аналогичную прусской; указывая на военно-стратегическую важность Ливонии¹⁵¹.

Нужно, пожалуй, принимать во внимание и личностный фактор: ландмейстер стал протектором, когда был уже в солидных годах. Возможно это обстоятельство, а может быть и невозможность основать собственную династию, также повлияли на отказ Плеттенберга от герцогской короны.

Не следует также забывать, что в решающий момент, наиболее удобный для секуляризации Ливонии, когда был политически повержен архиепископ Иоганн Бланкенфельд, по городам победно шла Реформация, а сословия спешили заявить о своей лояльности Плеттенбергу, перед последним стояла альтернатива титулу герцога – освободившая должность верховного магистра, в борьбу за которую ландмейстер включился довольно активно, хотя в итоге и безуспешно¹⁵², добившись, впрочем, от императора, как указывалось выше, статуса администратора должности верховного магистра в Пруссии. А архиепископ Бланкенфельд уже на закате своей политической карьеры озвучил на орденском собрании в Эшенбахе в июне 1527 г. идею перенесения титула верховного магистра на ливонских ландмейстеров¹⁵³.

Представляют интерес изменения в репрезентативной практике глав ливонских братьев-рыцарей. Ландмейстерство, отстояв свою незави-

симость в столкновении с верховным магистром, начиная с 40-х гг. XV в., проводило все более самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику¹⁵⁴. Активно выступавший на дипломатической арене один из предшественников Плеттенберга – Борх, равно как и он сам, с 1526 г.¹⁵⁵ имел статус имперского князя, которым ранее в Ордене обладал только верховный магистр¹⁵⁶.

В 1525 г., в момент наивысшего политического успеха Плеттенберга, чеканятся с явно репрезентативными целями золотые и серебряные монеты с изображением ландмейстера¹⁵⁷. Причем к тому времени подобная практика уже не являлась новой. Изображения ландмейстерского герба на монетах встречаются наиболее часто, начиная с последней трети XV в.¹⁵⁸ А если говорить об изображении именно ландмейстера, а не его геральдического символа, то Плеттенберг распорядился выпустить такую монету в честь победы в Смоленском сражении еще во время русско-ливонской войны 1501–1503 гг.¹⁵⁹

Об усилении веса светской, «княжеской» составляющей в понимании должности ландмейстера говорит и тот факт, что с XV в. ливонские сословия начали приносить присягу не Ордену как коллективному сюзерену, а лично ландмейстеру. В официальной документации со времени Реформации встречается обозначение Плеттенберга одновременно как «князя», «суверена» и «магистра»¹⁶⁰. Последние же ливонские ландмейстеры – Фюрстенберг и Готхард Кетлер (1559–1561) – добавляют к своей титулатуре формулировку «Божьей милостью»¹⁶¹.

Как видно, процесс концентрации образа власти на личности ливонских ландмейстеров начался еще до 1525 г., его не следует считать исключительно порожденным событиями прусской секуляризации и усилением политической обособленности Ливонии, но и то и другое, безусловно, актуализировало обозначенную тенденцию.

Можно констатировать, что в сложных внутренних и внешних политических условиях Плеттенберг выбрал позицию осторожную и компромиссную – осуществлять фактически княжеское правление, формально не претендуя на большее, чем статус протектора, не порывая, несмотря на быстрое распространение в стране лютеранства, с католической верой и не переставая быть главой католической духовно-рыцарской организации. Однако успешно проводить такую политику мог в силу особых личных качеств, как представляется, только Плеттенберг. Преемники же его оказались в состоянии еще большей неопределенности, чем он, но уже не имели того выбора, какой представился их предшественнику.

События ливонской истории, развернувшиеся в период Реформации и во многом ею вызванные, внесли существенные коррективы в многовековое противостояние рижских архиепископов и Тевтонского ордена, его Ливонского ландмейстерства. Вместе с тем само это противоборство в немалой

степени определило ход и характерные черты ливонской Реформации и стало ее существенной частью. Реалии 20–50-х гг. XVI в. обозначили финал длительного соперничества двух главных ливонских политических сил. Ландмейстерство, используя в своих интересах социально-политическую ситуацию начального этапа Реформации, одержало на первых порах весомую победу над давним соперником. Однако победа эта, достигнутая ценой непротиводействия реформационному процессу, даже его поддержки, по сути, если не предопределила, то ускорила конец самого ландмейстерства, лишённого в стране, ставшей протестантской, основ и возможностей существования. Главы ландмейстерства, наиболее сильного актора ливонской политики, в силу неблагоприятных для того внутренних и внешних условий, связанных с постоянной угрозой внешнего вторжения и потери независимости, не могли преобразовать политическую структуру Ливонии, не дестабилизировав опасным образом ее политическую систему. С другой стороны, попытки консервации прежних политических реалий, уже не действующих в условиях победившей Реформации, не могли обеспечить существующим властным институтам ни необходимой эффективности, ни устойчивости. Вынужденные временные попытки объединения усилий ландмейстерства и архиепископской власти для стабилизации внутриполитической обстановки в Ливонии и предотвращения внешней опасности, не имея под собой прочных оснований, не дали практического результата, и вскоре земли Ливонской конфедерации стали объектом экспансии более сильных соседей.

Примечания

- ¹ *Jähnig B.* Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin : Lit Verlag Dr. W. Hopf, 2011 (Schriften der Baltischen Historischen Kommission. Bd. 16). S. 16.
- ² *Hellmann M.* Der Deutsche Orden und die Stadt Riga // Stadt und Orden. Das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preußen und im Deutschen Reich / hrsg. v. U. Arnold. Marburg : N. G. Evert Verlag Marburg, 1993 (Internationalen Historischen Kommission zur Erforschung des Deutschen Ordens. Bd. 5). S. 21.
- ³ *Jähnig B.* Op. cit. S. 15, 78.
- ⁴ *Tumler M.* Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400 mit einem Abriß der Geschichte des Ordens von 1400 bis zur neuesten Zeit. Wien : Panorama, 1955. S. 305–308.
- ⁵ См.: *Бессуднова М. Б.* Орденское облачение в контексте властных претензий Ливонского ордена конца XV века // Историческая психология государственного управления / под ред. А. А. Конопленко. Саратов : АННИО ЦПЭИ, 2017. Вып. 3. С. 42.
- ⁶ См.: *Полехов С. В.* Известие хроники Германа Корнера о Вилькомирской битве и его исторический контекст // Pabaisko mūšis ir jо epocha / sud. I. Vaškevičiūtė. Vilnius : Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2017. P. 102–105, 110–111.
- ⁷ См.: *Полехов С. В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М. : Индрик, 2015. С. 396–400, 403.
- ⁸ Liv-, Esth- und Curländischen Urkundenbuch nebst Regesten (далее – LUB). Abt. 1 / hrsg. v. H. Hildebrand. Riga ; Moskau : Verlag v. J. Deubner, 1884. Bd. 8. № 462.
- ⁹ Русско-ливонские акты / сост. К. Е. Напьерский. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1868. № 231.
- ¹⁰ *Russow Baltasar.* Chronica der Prowintz Lifflandt // Scriptores rerum Livonicarum. Riga ; Leipzig : Eduard Frantzen's Verlags-Comptoir, 1848. Bd. 2. S. 29.
- ¹¹ См.: *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии : СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. С. 101.
- ¹² LUB / hrsg. v. Ph. Schwartz. Riga ; Moskau : Kommissions-Verlag v. E. Deubner, 1905. Bd. 11. № 159.
- ¹³ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 104.
- ¹⁴ См.: *Mäesalu M.* Historical Memory as the Cause of Conflict in Medieval Livonia // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. : История. 2019. Т. 64, вып. 3. С. 1018–1019.
- ¹⁵ LUB. Bd. 11. № 234 ; AR. Bd. 1. Lief. 5. № 548, 551.
- ¹⁶ *Kröger G.* Erzbischof Silvester Stodewescher und sein Kampf mit dem Orden um die Herrschaft über Riga. Riga : Nikolai Kymmels Buchhandlung In Kommission, 1930 (Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Bd. 24. H. 3). S. 172–173, 176.
- ¹⁷ См.: *Бессуднова М. Б.* «Поповская война» 1479 года в Ливонии и ее роль в формировании концепта «русская угроза» // Вестник Воронежского университета. Сер. : История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 53.
- ¹⁸ *Fahne A.* Livland und seine Geschlechter. Cöln : In Commission bei J. M. Heberle (H. Lempertz Söhne), 1875. Bd. 1 (Forschungen auf dem Gebiete der Rheinischen und Westphälischen Geschichte. Bd. 4). S. 130–131.
- ¹⁹ *Nyberg T.* Schweden, Riga, Papst 1471–1480 // Prusy – Polska – Europa. Prace ofiarowane Profesorowi Zenonowi Hubertowi Nowakowi. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. S. 112–118.
- ²⁰ Nya Källor till Finlands Medeltidshistoria. Samlade och utgifna af dr. E. Grönblad. Köbenhavn : Bianco Lunos Boktryckeri. F. S. Muhle, 1857. № 34.
- ²¹ *Kröger G.* Op. cit. S. 233–269.
- ²² См.: *Бессуднова М. Б.* «Поповская война»... С. 54.
- ²³ *Jähnig B.* Op. cit. S. 92–93.
- ²⁴ Цит. по: *Бессуднова М. Б.* «Поповская война»... С. 54.
- ²⁵ См.: *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века : Истоки конфликта. М. : Квадрига, 2015. С. 143–145, 147–153 (Забытые войны России).
- ²⁶ См.: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л. : Наука, 1975. С. 154–155, 158–163.
- ²⁷ См.: *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония... С. 152.
- ²⁸ См.: *Бессуднова М. Б.* Русско-ливонские отношения накануне Нового времени : истоки конфликта : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Липецк, 2015. С. 12.
- ²⁹ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 111.

- ³⁰ *Russow Baltasar*. Op. cit. S. 31.
- ³¹ *Ibid.* S. 32.
- ³² *Ibid.* S. 33.
- ³³ См.: Конопленко А. А. Из истории русско-ливонских отношений на рубеже XV–XVI вв. : стратегические цели сторон в войне 1501–1503 гг. // Военно-исторические исследования в Поволжье / под ред. А. А. Германа. Саратов : Научная книга, 2006. Вып. 7. С. 13–19.
- ³⁴ *Russow Baltasar*. Op. cit. S. 32.
- ³⁵ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 132.
- ³⁶ Kühles J. Die livländische Reformation unter vergleichenden Aspekten (1. Teil) // *Comparativ*. 1993. Vol. 3, № 1/2. S. 146.
- ³⁷ *Zur Linden F. O.* Melchior Hofmann, ein Prophet der Wiedertäufer. Haarlem : De Erven F. Bohn, 1885. S. 43.
- ³⁸ *Laantee K.* The Beginning of the Reformation in Estonia // *Church History*. 1953. Vol. 22. № 4. P. 272.
- ³⁹ *Helmut G.* Luther in Livland und die lettische Bibel des Ernst Glück // *Jahrbuch für Germanistische Sprachgeschichte* : Sprache, Reformation, Konfessionalisierung. 2018. Bd. 9. H. 1. S. 193.
- ⁴⁰ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 129.
- ⁴¹ *Packull W. O.* Sylvester Tegetmeier, Father of the Livonian Reformation : a Fragment of his Diary // *Journal of Baltic Studies*. 1985. Vol. 16, № 4. P. 373.
- ⁴² *Laantee K.* Op. cit. P. 272.
- ⁴³ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld, Erzbischof von Riga, Bischof von Dorpat und Reval. I // *Baltische Monatschrift*. 1902. Jg. 44. Bd. 53. S. 410.
- ⁴⁴ *Jähnig B.* Op. cit. S. 83.
- ⁴⁵ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld. S. 409, 414, 415, 422–424.
- ⁴⁶ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld, Erzbischof von Riga, Bischof von Dorpat und Reval. II // *Baltische Monatschrift*. 1902. Jg. 44. Bd. 54. S. 52.
- ⁴⁷ См.: Брахман В. Реформация в Ливонии // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края : в 4 т. / сост. Е. В. Чешихин. Рига. : Тип. А. И. Липинского, 1880. Т. 3. С. 15–28.
- ⁴⁸ *Krahn K.* Dutch Anabaptism. Origin, Spread, Life and Thought (1450–1600). Hague : Martinus Nijhoff, 1968. P. 81–82.
- ⁴⁹ *Zur Linden F. O.* Op. cit. S. 45, 47.
- ⁵⁰ *Laantee K.* Op. cit. P. 273, 275.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 272.
- ⁵² *Zur Linden F. O.* Op. cit. S. 48–56.
- ⁵³ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 34–35, 40–41.
- ⁵⁴ *Ibid.* S. 48.
- ⁵⁵ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 130.
- ⁵⁶ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 45.
- ⁵⁷ *Vogelsang R.* Reval und der Deutsche Orden : Zwischen städtischer Autonomie und landesherrlicher Gewalt // *Stadt und Orden*. S. 50.
- ⁵⁸ *Laantee K.* Op. cit. P. 272.
- ⁵⁹ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 136.
- ⁶⁰ *Helmut G.* Op. cit. S. 193.
- ⁶¹ *Laantee K.* Op. cit. P. 272–273.
- ⁶² См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 131.
- ⁶³ *Laantee K.* Op. cit. P. 277.
- ⁶⁴ *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 134.
- ⁶⁵ *Zur Linden F. O.* Op. cit. S. 57.
- ⁶⁶ *Akten und Rezesse der livländischen Ständetage* : in 3 Bd. / bearb. v. L. Arbusow (далее – AR). Riga : Verlag v. Jonk & Poliewsky, 1929. Bd. 1. Lief. 5, № 537. Bd. 3, № 212.
- ⁶⁷ См.: *Селарм А.* Иоганн Бланкенфельд и Мисюрь Мунехин. К истории ливонско-русских отношений в 1520-е годы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2011. № 1 (9). С. 157–165.
- ⁶⁸ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 55.
- ⁶⁹ *Shiemann Th.* Plettenberg, Wolter von // *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig : Verlag v. Duncker u. Humblot, 1888. Bd. 26. S. 286.
- ⁷⁰ См.: *Delvers M.* Aspects of the Master Figure in the Livonian Rhymed Chronicle : A Study of the Characterization of the Livonian Master of Teutonic Order : Ph. D. Diss. New Brunswick, 1989. S. 150–177.
- ⁷¹ *Stikāne V.* Evaņģēlisko vasaļu grupējums Rīgas arhibīskapijā : Brandenburgas Vilhelmam uzticīgjie 16. gadsimta 20.–30. gados // *Reformācijai 500 : jauno laiku vēsmas Latvijā un Eiropā : Zinātniskās konferences materiāli* (Turaida, 18. okt. 2017) / sast. V. Stikāne. Rīga : Zinātne, 2020. S. 38.
- ⁷² *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 58.
- ⁷³ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 134.
- ⁷⁴ *Schirren C.* Walter von Plettenberg // *Schirren C.* Charaktere und Menschheitsproblemen. Eine Sammlung öffentliche Vorträge, Kiel : Verlag von Walter G. Muhlau, 1912. S. 125.
- ⁷⁵ AR. Bd. 3. № 239.
- ⁷⁶ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 55.
- ⁷⁷ *Kreem J.* Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland // *The Military Orders and the Reformation. Choices, State Building and the Weight of Tradition : Papers of the Utrecht Conference* (Utrecht, 30 Sept. 2 Oct. 2004) / eds. J. A. Mol, K. Miltzer, H. J. Nicholson. Hilversum : Verloren, 2006. S. 46.
- ⁷⁸ *Berendts A.* Johannes Blankenfeld... II. S. 59–60.
- ⁷⁹ См.: Арбузов Л. А. Указ. соч. С. 137–139.
- ⁸⁰ См.: *Вебер Д. И.* Немецкий орден в Ливонии от Реформации до секуляризации : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 181.
- ⁸¹ *Arbusow L.* Die Einführung der Reformation in Liv-, Est- und Kurland. Leipzig ; Riga : Vermittlungsverlag R. Haupt und G. Löffler, 1921 (Quellen und Forschungen zur Reformationsgeschichte, Bd. 3). S. 637ff.
- ⁸² См.: *Stikāne V.* Op. cit. S. 39–40.
- ⁸³ См.: *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 129.
- ⁸⁴ *Stikāne V.* Op. cit. S. 40–41.
- ⁸⁵ *Girgensohn J.* Wilhelm, Markgraf von Brandenburg // *Allgemeine Deutsche Biographie*. Leipzig : Verlag v. Duncker u. Humblot, 1898. Bd. 43. S. 178.
- ⁸⁶ *Stikāne V.* Op. cit. S. 42.
- ⁸⁷ *Girgensohn J.* Op. cit. S. 178.
- ⁸⁸ *Olewnik J.* Polsko-pruski plan inkorporacji Inflant do monarchii jagiellońskiej z lat 1552–1555 i jego pierwsze stadium realizacji // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1979. № 4. S. 395.

- ⁸⁹ *Russow Baltasar*. Op. cit. S. 49.
- ⁹⁰ Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert : in 3 bd. / hrsg. v. E. Weise. Marburg : N. G. Elwert Verlag Marburg, 1955. Bd. 2. № 403.
- ⁹¹ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 107.
- ⁹² См.: *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония... С. 142.
- ⁹³ *Херрманн А.* Вальтер фон Кронберг // Верховные магистры Тевтонского ордена. 1190–2012 / под ред. У. Арнольда. М. : Ладомир, 2015. С. 179.
- ⁹⁴ *Olewnik J.* Op. cit. S. 396, 398, 401.
- ⁹⁵ См.: *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 45–46.
- ⁹⁶ См.: *Маазинг М.* «Русская опасность» в письмах рижского архиепископа Вильгельма // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 1 (7). С. 189–190.
- ⁹⁷ *Girgensohn J.* Op. cit. S. 179.
- ⁹⁸ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 145.
- ⁹⁹ Там же. С. 141–142, 145.
- ¹⁰⁰ *Monumenta Livoniae antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und andern schriftlichen Denkmälern und Aufsätzen welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- u. Kurland's dienen* / hrsg. v. F. G. Bunge. Riga : Eduard Frantzen's Verlags-Comptoir, 1844. Bd. 4 (далее – MLA). № 159.
- ¹⁰¹ *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 150, 187–188.
- ¹⁰² *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 143.
- ¹⁰³ Там же. С. 143–144.
- ¹⁰⁴ MLA. № 163.
- ¹⁰⁵ Ibid. № 167.
- ¹⁰⁶ Ibid. № 166.
- ¹⁰⁷ См.: *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 154.
- ¹⁰⁸ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 145.
- ¹⁰⁹ *Поссевино А.* Ливония // *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М. : Издательство Московского университета, 1983. С. 217.
- ¹¹⁰ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 145.
- ¹¹¹ *Relation über die Reise Herzogs Christoph z. M. nach Livland 1555/56* // *Schirmacher F. W.* Johann Albrecht I, Herzog von Mecklenburg : in 2 Th. Wismar : Hinstorff'sche Hofbuchhandlung Verlagsconto, 1885. Th. 2. № 127.
- ¹¹² *Olewnik J.* Op. cit. S. 401, 402.
- ¹¹³ См.: *Янушкевич А.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск : Медисонт, 2007. С. 23.
- ¹¹⁴ *Olewnik J.* Op. cit. S. 403.
- ¹¹⁵ *Jasnowski J.* Mikołaj Czarny Radziwiłł (1515–1565). Kanclerz i marszałek ziemski Wielkiego Księstwa Litewskiego, wojewoda wileński. Oświęcim : Napoleon V, 2014. S. 108–109.
- ¹¹⁶ *Olewnik J.* Op. cit. S. 404.
- ¹¹⁷ Ibid. S. 405–406.
- ¹¹⁸ См.: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1/2 (5/6). С. 155.
- ¹¹⁹ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 150.
- ¹²⁰ *Russow Baltasar*. Op. cit. S. 49.
- ¹²¹ *Olewnik J.* Op. cit. S. 393–408.
- ¹²² См.: *Филюшкин А. И.* Польско-прусский план инкорпорации Ливонии в 1552–1555 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2.* 2011. Вып 4. С. 24.
- ¹²³ *Bodniak S.* Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. Kórnik : Nakładem Fundacji Zakłady, 1946 (*Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej. Z. 3*). S. 43–45.
- ¹²⁴ *Olewnik J.* Op. cit. S. 399.
- ¹²⁵ См.: *Янушкевич А.* Указ. соч. С. 21–23.
- ¹²⁶ *Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1551–1557). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten* / bearb. v. St. Hartmann. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2005 (*Veröffentlichungen aus den Archiven Preußischer Kulturbesitz. Bd 57*). № 1545.
- ¹²⁷ Ibid. № 1566.
- ¹²⁸ Ibid. № 1570.
- ¹²⁹ См.: *Филюшкин А. И.* Указ. соч. С. 26.
- ¹³⁰ *Olewnik J.* Op. cit. S. 399–400.
- ¹³¹ *Russow Baltasar*. Op. cit. S. 49–50.
- ¹³² См.: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* «Война коадьюторов»... С. 157–158.
- ¹³³ Там же. С. 159–163.
- ¹³⁴ Там же. С. 160.
- ¹³⁵ См.: *Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // *Международные связи России до XVII в.* / под ред. А. А. Зимина и В. Т. Пашуто. М. : АН СССР, 1961. С. 397.
- ¹³⁶ *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Русско-ливонские договоры 1554 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2010. № 1 (7). С. 119.
- ¹³⁷ *Frost R. I.* The Northern Wars : War, State and Northeastern Europe, 1558–1721. Harlow : Longman, 2000 (*Modern Wars in Perspective*). P. 4.
- ¹³⁸ См., например: *Волков В. А.* Были и небыли Ливонской войны 1558–1583 годов. М. : Прометей, 2020. С. 33.
- ¹³⁹ См.: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Русско-ливонские договоры 1554 г. С. 115.
- ¹⁴⁰ См.: *Шаскольский И. П.* Указ. соч. С. 376–378, 382–383, 385–386, 396–398.
- ¹⁴¹ См., например: *Schirren C.* Op. cit. S. 119, 125–127.
- ¹⁴² *Shiemann Th.* Op. cit. S. 286.
- ¹⁴³ См.: *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония... С. 134.
- ¹⁴⁴ *Бессуднова М. Б.* Религиозная риторика в политической практике ливонских магистров 60–70-х гг. XV века // *Историческая психология государственного управления* / под ред. А. А. Конопленко. Саратов : ЦПЭИ СНЦ РАН ; Амирит, 2015. Вып. 2. С. 21–23, 25–27.
- ¹⁴⁵ См.: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Русско-ливонские договоры 1554 г. С. 114.
- ¹⁴⁶ См.: *Бессуднова М. Б.* «Русская угроза» в ливонской орденской аргументации 80-х и начала 90-х гг. XV в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. № 1. С. 149.
- ¹⁴⁷ *Shiemann Th.* Op. cit. S. 286–287.

- ¹⁴⁸ *Olewnik J.* Op. cit. S. 398.
- ¹⁴⁹ См.: *Бессуднова М. Б.* Рыцарство средневековой Ливонии // *Одиссей. Человек истории.* 2004. Рыцарство : реальность и воображаемое. М. : Наука, 2004. С. 91–92.
- ¹⁵⁰ См.: *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 35, 122–125, 174.
- ¹⁵¹ Там же. С. 191–196.
- ¹⁵² См.: *Херрманн А.* Указ. соч. С. 179.
- ¹⁵³ См.: *Арбузов Л. А.* Указ. соч. С. 138.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 102, 106.
- ¹⁵⁵ *Russow Baltasar.* Op. cit. S. 34.
- ¹⁵⁶ См.: *Арнольд У.* Герман фон Зальца // *Верховные магистры...* С. 30.
- ¹⁵⁷ См.: *Яровая Е.* Редкие серебряные и золотой талеры магистра Ливонского ордена Вальтера фон Плеттенберга в собрании Эрмитажа // *Сообщения Гос. Эрмитажа.* СПб. : Издательство Государственного Эрмитажа, 2018. Вып. 76. С. 40–42.
- ¹⁵⁸ См.: *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 162–164.
- ¹⁵⁹ См.: *Бессуднова М. Б.* Магистр Ливонского ордена Вольтер фон Плеттенберг и проблема преобразования ливонского орденского государства на рубеже XV–XVI вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 14.
- ¹⁶⁰ AR. Bd. 3. № 215, 221, 231, 234ff.
- ¹⁶¹ *Вебер Д. И.* Указ. соч. С. 162.

Поступила в редакцию 06.11.2020, после рецензирования 22.11.2020, принята к публикации 28.12.2020

Received 06.11.2020, revised 22.11.2020, accepted 28.12.2020